

П. Н. МИЛЮКОВ

Семидесятилетие освобождения крестьян

Освобождение крестьян есть, несомненно, величайшее событие русской истории. Прекращение рабства человека у человека есть, прежде всего, незаменимая предпосылка здоровой гражданственности. Это есть в то же время уничтожение непреодолимого препятствия для экономического и культурного развития страны, на которой лежит ярмо крепостного права. Но есть еще знаменательный момент освобождения крестьян в России для общей схемы русского исторического процесса, в которой он является решающим поворотным пунктом. Речь идет о переходе России из стадии средневекового вотчинного государства к стадии современной общественности и государственности, — переходе, прерванном сейчас насильственной, но не случайной русской революцией. Сравнить факт освобождения крестьян можно только с реформой Петра Великого. То и другое знаменовало окончательное вступление России на путь европеизации. Петр покончил для этой цели с вотчинным, теократическим государственным строем. Монарх с его времени стал принципиально слугой народа, а не представителем власти, освященной «Божьей милостью». Это понятие развивали потом Екатерина II и Александр I. Александр II сделал второй шаг к европеизации: он покончил с вотчинным социальным строем, со старым привилегированным служилым сословием. Так был открыт путь к окончательному, мирному преобразованию России в современное демократическое государство, начатому «великими реформами» Александра II.

Оба акта — Петра Великого и Александра-освободителя — имели горячих друзей и столь же горячих врагов. Одни осуждали их как первые шаги к революции; другие признавали, что не

революционные сами по себе реформы Петра I и Александра II повели к революционному исходу лишь потому, что обломки теократической монархии и старого правящего класса — «опоры престола» — не хотели уходить из истории, не дав решительного боя. Они вступили в союз друг с другом для борьбы против новых начал политической свободы, социальной справедливости и права. Быть может, даже эта борьба еще не кончилась, — и это напоминает нам, как мы еще молоды. Еще живы даже последние представители поколения, помнившие крепостное право и бывшие свидетелями его отмены. Еще в памяти у нас и то время, когда чествование праздника 19 февраля считалось если не преступлением, то явным признаком неблагонадежности.

С точки зрения борьбы за право, начавшейся до 1861 г. и продолжавшейся, вопреки реформе, до последней революции, нам и приходится рассматривать событие, 75-летие которого мы празднуем в изгнании. Возможно кратко мы рассмотрим прецеденты освобождения, самый ход реформы и, наконец, ее последствия.

Я не буду, конечно, пересказывать длинную историю бесплодных подходов власти к ликвидации крепостного права: всю эту бесконечную бумажную суетню в десятках «секретных комитетов». Напомню только, что здесь уже столкнулись два взгляда на задачу освобождения: свобода без земли или земля без свободы. Решение, предложенное революционным лозунгом: «земля и воля», никак не давалось нашим официальным освободителям. Однако же и первый путь — к так называемой «птичьей свободе» без земли — пришлось признать невозможным: было ясно, что его не допустят крестьяне, считавшие землю искони «своей». Второй путь, хотя и компромиссный, явно нарушал интересы дворянства. Отсюда — промедление крестьянского освобождения от Екатерины II до Александра II. Однако, чем дальше, тем труднее становилось сохранить «право», которое даже не было правом в европейском смысле, а беспредельным произволом над лицом и имуществом человека. Против него шла вековая борьба и сверху, и снизу: сверху боролось русское общественное мнение, снизу — народное нетерпение. Наш Пушкин написал эти незабвенные строки:

Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца
<...>

Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
 Надежд и склонностей в душе питать не смея;
 Здесь девы юные цветут для прихоти развратного злодея.

А темный низ отвечал разбойной песней (40-е годы, Саратовская губерния):

Как за барами житье было привольное:
 Сладко попито, поедено, похожено,
 Вволю корушки без хлебушка погложено,
 Босиком снегу потоптано,
 Спинушку кнутом попобито.
 Нагишом за плугом спотыкалися,
 До пьяну слезами напивалися.
 Во солдатушках послужено,
 Во острогах ведь посижено,
 Что в Сибири перебивано,
 Кандалами ноги потерты,
 До мозолей душа ссажена...

А за этим следует возмездие:

А теперь за бар мы Богу молимся:
 Божьи церкви — небо ясное,
 Образа ведь — звезды чистые,
 А попами — волки серые,
 Что поют про наши душеньки.
 Темный лес — то наши вотчины,
 Тракт проезжий — наша пашенька;
 Пашню пашем мы в глухую ночь;
 Собираем хлеб, не сеямши...
 Куда глянешь — наша вотчина,
 От Козлова до Саратова,
 До родимой Волги-матушки,
 До родимой Волги-матушки,
 До широкого раздолица,
 Там нам смерти нет, ребятушки.

«Смерти нет» — в страшной песне, хранящей наследие пугачевщины. Смерти не было и реакций на крепостное право: убийством помещиков в домах и в поле, восстаниям крестьян в поисках «указа» о воле, побегам в темный лес и в степь, на «Волгу-матушку». Не было недостатка и в выражении морального протеста со стороны интеллигенции: Новиков, Радищев, Пушкин, декабристы, Тургенев - такова славная традиция этого протеста.

Двойное действие морали и страха сказалось на представителях власти. Екатерина II говорила: «Если не согласимся на уменьшение жестокости и умерение человеческому роду нестерпимого наказания, то и против воли сами оную (свободу) возьмут - рано или поздно». Повторил это и имп. Николай I: «...лучше нам от-дать добровольно», советовал он светскому дворянству, «чем допустить, чтобы у нас отняли». И, наконец, знаменитые слова Царя-освободителя московскому дворянству: «...лучше, чтобы освобождение пришло сверху, нежели снизу».

К страху и велению совести прибавим еще третий мотив, под-рывающий крепостное право: материальный интерес самих помещиков. По мере экономического развития России крепостное право становилось просто невыгодным. Нехлебородный север рано перешел к подсобным промыслам и к отходу на заработки. Помещику здесь земля была не важна; важен оброк с личности крестьянина. На хлебородном юге, где земля и хлеб для экспорта росли в цене, рабский труд уже не окупал содержание раба и приходилось предпочитать наемный вольный труд как более дешевый. То же было и на заводах, где работали крепостные.

Все вместе эти мотивы наконец подействовали. Против них был, конечно, могущественный классовый интерес, перед кото-рым и останавливались цари. Но недаром еще Строганов убеждал Александра I, что в России дворянство не представляет решающей силы; невежественное и пассивное в своем большинстве, оно под-чинится царской воле. Разумный государственный расчет и страх перед волнующейся крестьянской массой оказались сильнее. Крестьянское освобождение после провала Крымской войны было поставлено на очередь — и осуществилось под знаком упорного, но бессильного дворянского сопротивления.

Неизбежное вообще, оно, конечно, не было необходимо именно в 1861 г. Чтобы оно все-таки совершилось, необходимо было, что-бы к причинам общим присоединилось благоприятное сочетание личных условий. Тут законно поставить вопрос о заслуге деятелей освобождения, и, прежде всего, о заслуге того, к кому Герцен обратился со знаменитым признанием: «Ты победил, Галилеянин». Социальной силе правящего сословия можно было противопоста-вить лишь волю монарха. Вот почему тогдашние наши радикалы были против ограничения царской воли конституцией, которая неизменно оказалась бы дворянской. Вспомним при этом завет Жуковского при рождении Александра II: «Жить для веков

в величии народном, / Для блага всех — свое позабывать, / Лишь в голосе отечества свободном / Со смирением дела свои читать» и на высокой чреде помнить / «Святейшее из званий — человек».

Это была, однако, хотя и добрая, но слабая воля, открытая случайностям противоположных влияний. Еще в 1857 г. Александр говорил Киселеву за границей: «...я решился, но никого не имею, кто помог бы». И неизвестно, что вышло бы из затеянной реформы, если бы «помощники» не нашлись. По счастью, их оказалось достаточно, чтобы произвести нужное влияние, хотя бы и на время. Они нашлись, прежде всего, в собственной семье государя: его брат, в. к. Константин Николаевич, моряк, *l'esprit ouvert**, как характеризовал его Тьер, и особенно тетка, дочь вюртембергского принца и вдова в. к. Михаила Павловича, Елена Павловна, *esprit fort de la famille***, — покровительница талантов, доступная голосу сердца, образованная, находившаяся под влиянием Киселева и собиравшая около себя салон выдающихся русских людей, таких, как Милютин и Кавелин. По почину Кавелина она, собственно, и дала первый толчок реформе — проектом освобождения крестьян в своем имении Карловке.

Оба царских родственника явились незаменимыми посредниками между царем и людьми другой складки и другого лагеря — просвещенными чиновниками Я.А. Соловьевым и особенно Н.А. Милютиным, истинными творцами освободительного законодательства. Воля к освобождению здесь соединялась со знанием и бюрократическим опытом. Оба с самого начала имели ясный взгляд на задачи и способы освобождения. Но провести этот взгляд, весьма радикальный по тому времени, нельзя было, не переделав взгляды царя и его ближайших помощников. А оба они стояли далеко от двора, и их взгляды не могли возбуждать доверия в его окружении. Не только сближение, но и простое знакомство было бы невозможно если бы новым посредником между царем и «красными» доктринерами не явился простой, честный служака, заслуживший царское доверие тем, что в молодости добросовестно «предал» декабристов Николаю I, — Я.И. Ростовцев. Это был человек, по уровню понимания и по отсутствию деловой подготовки легко находивший общий язык с царем. Вместе с Александром II он проделал, идя только на шаг вперед, всю

* Открытый ум (фр.).

** Сильный дух семьи (фр.).

эволюцию от правого дворянского потом умеренного взгляда на задачи освобождения до радикального милютинского — все же, конечно, не крестьянского. Не будь Ростовцева, пропасть между лагерями «эмансипаторов» и «крепостников» осталась бы не засыпанной. С ним хотя и компромиссное освобождение прошло через все подводные камни - и осуществилось.

А подводных камней встретилось на пути много. Четыре года, с 1857 до 1861 [г.], тянулась настоящая драма, полная самых трагических перипетий. Чтобы понять психологию этой скрытой, но тем не менее очень острой борьбы, необходимо остановиться на некоторых подробностях. Под свежим впечатлением крымского поражения, обнаружившего всю «черноту» русской «неправды», началось «зондирование» дворянства по вопросу об отмене крепостного права. Однако министр внутренних дел должен был доложить царю, что этим путем не получено «никаких результатов: дворяне не хотят брать на себя инициативу». Тогда 3 января 1857 г., был создан «негласный комитет». Александр обратился к нему с наводящим вопросом: «Следует ли теперь же принять решительные меры для освобождения?» Ответ был неутешителен: «Освобождение должно быть постепенным, без резких поворотов». Такая директива и соблюдалась до конца года. 26 июля Левшин, тов[арищ] министра] внутренних] дел, решился предложить только... выкуп одних крестьянских усадеб за повышенную цену! 16-18 августа все еще рекомендовались «постепенность и осторожность» — не уничтожение крестьянского права, а только «улучшение быта». Из этого тупика вывел, наконец, реформу известный рескрипт губернатору Назимову, в котором, с обязательной ссылкой на добрые намерения дворян трех литовских губерний относительно «расследования инвентарных правил», повелевалось открыть губернские комитеты для «улучшения быта» — на основе все того же выкупа усадеб, но с прибавкой «надлежащего количества земли», отводимого крестьянам «в пользование», без нарушения «существующего ныне хозяйственного устройства помещичьих имений». Ловкий шаг Милютина состоял в том, что этот скромный рескрипт был в одну ночь отпечатан и разослан всем губернаторам. Так секретное становилось публичным, и открытие губернских комитетов было распространено на всю Россию. Для общего руководства был учрежден, с прежним реакционным составом членов, «Главный комитет по крестьянскому делу». Программа реформы обогати-

лась на этот раз подозрительным «переходным периодом» в десять лет, после которого отведенные крестьянам земли оставались за помещиком, а дальнейшая судьба их должна была определяться свободными соглашениями освобожденных (без земли) крестьян с помещиками. Проект Я. Соловьева об освобождении с землей был отвергнут, а принята и разослана программа помещика Позена, растягивавшая переходные годы на три периода и сохранявшая полную неизвестность судьбы земли по истечении переходного срока. Даже и при такой урезанной постановке вопроса Соловьев должен был доложить, что «полного безусловного сочувствия и желания к освобождению крестьян на указанных правительством основаниях не обнаружилось ни в одной губернии». Губернские комитеты работали по этой крепостнической программе; дворянство выжидало, что будет дальше.

Но Ростовцев и царь за этот 1858 г. совершили значительную эволюцию. В августе и сентябре Ростовцев послал царю из своей вакационной поездки четыре знаменитых письма, в которых, познакомившись на досуге лучше с делом, переходил от формы пользования землей, с сохранением вотчинной власти помещика, к идее о выкупе надела. Царь, проехавшись по России, усвоил себе рассуждения Ростовцева. Итог этого прогресса выразился в составлении новой программы 4 декабря, которая ставила, наконец, целью освобождения поземельную собственность крестьян, а вотчинную власть помещика устраняла, поставив между ним и крестьянином самоуправление крестьянского мира. Чтобы провести такую радикальную программу, ее надо было, очевидно, насильно навязать дворянам. С этой целью было создано 17 февраля 1859 г. при Главном Комитете новое промежуточное учреждение - «редакционные комитеты». Центральной фигурой в них - на этот раз уже совершенно открыто - явился Н. Милютин, про которого председатель Ростовцев так и выражался: «наша Эгерия». Поддержанный Еленой Павловной, Милютин окружил себя единомышленниками, введенными в комитет в качестве экспертов. Такими были Юрий Самарин, кн. Черкасский и др. Сплоченное большинство легко проводило свои взгляды в этой инстанции; но спрашивалось, что же будет дальше. Александр II обещал вызвать председателей губернских комитетов в Петербург для сотрудничества при разработке окончательного проекта. Но у комиссии был уже свой проект; подвергать его опасности разгрома провинциальными дворянами не было никакого же-

лания, и петербургские чиновники, заслужившие с этих пор свою репутацию «красных», решили поставить дворянство перед совершившимся фактом. Дворян пригласили в столицу отнюдь не для совещаний с решающим голосом, а только для опроса — каждого порознь — о применении общего центрального проекта к местным особенностям. Можно представить себе негодование дворянских депутатов, когда, прибыв в Петербург, они узнали, что правительственный проект уже выработан на основании следующих семи пунктов:

1. освобождение с землей;
2. выкуп наделов;
3. поддержка казны при выкупе;
4. сокращение переходного состояния;
5. уничтожение барщины через три года;
6. крестьянское самоуправление и
7. сохранение за крестьянами существующих наделов.

25 августа 1859 г. состоялась первая [встреча] депутатов так называемого] «первого созыва» с редакционными комиссиями -каждого поодиночке. Это был сравнительно либеральный состав: преимущественно помещики нечерноземных губерний, не державшиеся особенно за сохранение крепостного права, - конечно, под условием компенсации за потерянное. Но они не хотели и уничтожения привилегированного положения дворянства. Из их среды раздались требования, как бы в награду за освобождение, введения конституции, гласного суда, сохранения вотчинной власти. Появились дворянские всеподданнейшие адреса с резкой критикой деятелей редакционных комиссий. Ответом был строгий оклик царя и выговоры петиционерам. Но это не ослабило раздражения дворян против петербургских «красных» бюрократов. Известное впечатление все же было произведено на правительство этими настроениями дворянства. Александр II и без того не доверял Милютину. Теперь поддался и Ростовцев. Он объяснял царю: «Они правы со своей точки зрения, мы - со своей. С точки зрения права, вся зачатая реформа, с начала до конца, несправедливая, ибо есть нарушение права частной собственности. Но, как необходимость государственная, реформа законна, священна и необходима». «Комиссия иногда наклоняла весы в сторону крестьян, потому что потом, от пользы крестьян

к пользе помещиков, будет много охотников и много силы, так что быт крестьян мог бы не улучшиться, а ухудшиться». Но цель комиссии — «не завязать новых социальных узлов, которые пришлось бы впоследствии или распутывать, или разрубать». «Дать мало - будет пугачевщина». Так сам Ростовцев намечал компромисс, очевидно, совпадавший с новым поворотом направлений царя. И с наступлением 1860 г. вся картина меняется: весы склоняются в сторону помещичьей «силы».

Переход был облегчен тем, что 6 февраля 1860 г. Ростовцев умер. К общему недоумению, его заместителем назначен был крепостник гр. Панин. Елену Павловну Александр утешал, что у Панина нет своих мнений и что он будет строго исполнять царские приказания. Это было не совсем верно; да и тон этих приказаний уже изменился. В конце того же февраля, принимая дворянских депутатов второго призыва, гораздо более реакционных, чем состав первого призыва, император счел нужным сказать им: «Носились нелепые слухи, будто я изменил свое доверие к дворянству. Это ложь и клевета... Без некоторых пожертвований с вашей стороны обойтись невозможно. Я желаю, чтобы эти жертвования были сколь возможно менее тягостны и обременительны для дворян». А эти дворяне — из южных губерний — крепко держались за землю, мало давали ее, дорого за нее требовали и продолжали негодовать на «бюрократов».

10 октября редакционные комиссии были закрыты. Царь предупреждал в заключительной речи: «...всякий труд должен иметь свои несовершенства»; «может быть, придется многое изменить». А как изменить работу комиссии, видно было уже из того, что судить о ней должен был теперь Главный Комитет, в котором не было большинства в пользу проекта редакционных комиссий. Только благодаря в. кн. Константину Николаевичу, заменившему заболевшего председателя комитета кн. Орлова, удалось, после горячих прений по самым коренным основаниям реформы, превратить меньшинство в большинство, перетянув гр. Панина, не без серьезных уступок, на сторону проекта. Когда после всего этого проект перешел из Главного Комитета в общее собрание Государственного Совета, Александр II уже предупредил его членов: «Все, что можно было сделать для ограждения выгод помещиков, уже сделано» ... «Прошу не забывать, что основанием всего дела должно быть улучшение быта крестьян не на словах и не на бумаге, а на самом деле». Это предупреждение не поме-

шало, однако, Государственному Совету, в свою очередь, еще раз понизить размеры подлежащих выкупу наделов и ввести так называемые «дарственные наделы» — в четверть нормальных.

После всех этих перипетий, потеряв в пути значительную долю своей ценности, проект сделался, наконец, законом. Правда, манифест 19 февраля, возвестивший о нем, по свидетельству Щербачева, вызвал «недоумение». Были и случаи сопротивления крестьян: освобождение вышло неполное и чересчур дорогое. Прав был другой современник, заявивший, что «великое значение акта будет понято не сразу». Его понял, однако, сразу поэт Некрасов и выразил в наглядном образе: «Порвалась цепь великая; порвалась, раскачалась: Одним концом по барину, другим по мужику».

Нам остается в самых коротких словах напомнить, в чем состоял этот двойной удар порванной цепи. Она, действительно, сильно ударило «по барину». По «Положению» дворяне сохранили из 105 миллионов десятин, которыми владели до освобождения, около 78 миллионов — три четверти всего своего земельного достояния. Но они не сумели удержать этой цифры. К 1905 г. — году первой революции с сильным аграрным оттенком — за ними оставалось уже только 52 миллиона, т.е. половина дореформенных владений. К следующему же (1906 [г.]) они сохранили только 44 миллиона, из которых только 33,6 % действительно обрабатывались помещиками, т.е. только каждое третье семейство усидело на земле. Но и те сдавали часть земли в аренду крестьянам или посредникам. К началу XX века уже только одна пятая часть земельной площади (21 %) обрабатывалась самими дворянами. Так быстро шло дворянское «оскудение» (заглавие романа Атавы-Терпегорева). Едва расплатившись с долгами при помощи выкупных свидетельств, дворяне быстро вошли снова в долги. В 1903 г., так же, как и перед освобождением, половина всех частных имений была в залоге. «Вишневые сады» один за другим шли под топоры «чумазого» (Салтыков и Чехов).

Но цепь ударила и «по мужику». Конечно, личность крестьянина была освобождена; и притом это была не «птичья» свобода, а с землей. Но земли было мало — всего по три с половиной десятины в среднем, стоил выкуп дорого, налоги были высоки, а за приарендованные клочки приходилось платить непомерные цены. Уже к концу XIX века наступил кризис. За сорок лет с 1861 г. количество населения увеличилось на 90 %: 85 миллионов вместо 45. Надел составлял уже половину прежнего (54 %), а

в черноземной полосе даже треть (35,5 %). В то же время главный продукт — хлеб — подешевел на мировом рынке к концу века, а урожай и количество скота в хозяйстве упало.

Какой же исход предвиделся из такого критического положения? Тут начался бесконечный спор о причинах кризиса. Левые, исходя из факта крестьянского малоземелья, настаивали на увеличении крестьянской площади. Правые, отводя это требование, искали причины в отсталой технике русского земледелия и рекомендовали в качестве лекарства увеличение производительности сельского хозяйства. Что мешало этому? Правые находили главное препятствие в существовании сельской общины, приводившей крестьянство к круговой нищете. Левые видели в плане правых стремление облагодетельствовать «кулака» за счет крестьянской массы.

Это приводило к критике другой стороны освобождения: свобода, полученная крестьянами, была, конечно, неполная. Права помещика на крестьянина не были уничтожены вполне, а переданы общине; крестьянин не крепок помещику, но крепок миру. Таким образом, крестьянство не было приравнено к свободным сословиям; оно осталось податным. Следовательно, говорили правые, надо дать крестьянину свободу выхода из общины, свободу купли и продажи земли и обращения надела в частную собственность. На это левые возражали: нельзя уничтожить общины, потому что она сохраняет землю в крестьянских руках и дифференциацию на богатых и бедных. Разрушить общину — значит вернуться к свободе «без земли» — к птичьей свободе.

Так «либерализм» и крепостничество поменялись местами. Старые крепостники распинались за свободу личности, а «либералы» (точнее? радикалы) - за ограничение свободы и за сохранение неравенства. В этом виде перешел крестьянский вопрос и в Государственную Думу. Перед правительством стояла дилемма: или расширение площади крестьянского землепользования путем принудительного отчуждения частновладельческих земель в пользу крестьянства, или же, не трогая помещиков, выделение из крестьянской массы зажиточных хозяйств с высокой культурой за счет всех остальных.

Как известно, на этом вопросе оборвалось первое народное представительство, и был выдвинут проект Столыпина о создании новой «смены» оскудевшему сословию путем создания «хуторов» и выделения «отрубов» из общины. Община насиль-

ственно разрушалась и создавался, по прусскому образцу, слой сильного консервативного крестьянства — *der teste Bauernstand**. Хозяйственный коллективизм должен был уступить место укрепившемуся чувству частной собственности. Удался ли этот план, явно носивший политический характер? Ответить на этот вопрос трудно уже потому, что революция смела все плоды едва начавшейся работы. Но что представляли из себя итоги Столыпинской реформы до начала революции?

В течение пяти лет (1907–1911) была, несомненно, проделана огромная работа — или произведена огромная ломка. Правительство поддерживало насильственное выделение «сильных» из общины, отдавая им лучшие земли и снабжая их кредитом в размере более 90 %. Беспредельные (в течение 24 лет) общины разрушались по закону автоматически. Каков же получился результат всех этих, весьма энергических усилий? К 1 января 1915 г. заявили об укреплении участков в частную собственность 2719 миллиона крестьян; из них укреплены 1979 миллиона. По отношению ко всей площади надельной крестьянской земли — около одной седьмой (13,9 %). Но кто были эти выделявшиеся и укреплявшиеся? Как оказывается, это были не «сильные» мужики, а средние, и притом преимущественно из северных, а не южных губерний. Выход на закрепленные участки тут (на севере) шел параллельно с переселением. Затем 53 % прошений имели целью приобрести участки не в отдельную собственность, а группами, с сохранением старой формы хозяйства. «Хуторов» (т.е. домов с округленным около них участком) было в этом числе гораздо меньше, нежели «отрубов» (т.е. домов в деревне с отдельным округленным участком в поле). До 1 июня 1912 г. было укреплено 130-140 тысяч отрубов (по 60-70 дворов в каждом) и только 50-60 тысяч хуторов. То же было и с получением денег через банк: покупали больше малоземельные. Словом, по правильному заключению германского исследователя Прейера — вовсе не противника реформы, «собственная цель реформы не была достигнута».

Как известно, вместе с неудачей аграрной реформы Столыпина потонуло в революционной пропасти и самодержавие, и дворянство. После победы большевиков аграрный вопрос, вопреки первоначальному намерению разрешить его по-народнически,

* Консервативное крестьянство (нем.).

сочетавши «землю» с «волей», приобретает старую форму нового рабства у государства-помещика: это «земля без свободы». Аграрный коллективизм оживает в неожиданной форме колхоза. Недаром колхоз привился легче именно на севере, где община была более живуча, тогда как на юге, на территории частной собственности, введение колхозов встретило наибольшее сопротивление. Народники оказались правы в том смысле, что община допускала более легкий переход к коллективной форме хозяйства - через разные формы кооперации. И последние сведения из России свидетельствуют о том, что в колхозе главный протест возбуждает его принудительность, а не та или иная форма кооперативного сотрудничества. И очередным требованием является, по-видимому, свободный выход из колхозов со свободным же выбором формы землепользования в дальнейшем.

Как видим, поставленный в упор перед Россией в 1861 г. аграрный вопрос не сходит с очереди. Освобожденное крестьянство, даже с точки зрения теоретиков диктатуры пролетариата, продолжает считаться и быть главным фактором социальной жизни России. Его разрешение не укладывается в рамки господствующей доктрины, а потребность этого разрешения, снова обострившаяся в последнее время, все более становится главным фактором, направляющим государственную политику на уступки. Недаром революционный период русской истории начался с постановки на очередь именно крестьянского вопроса. Он не кончится, пока для этого вопроса не будет найдено, наконец, правильное разрешение. Крестьянская реформа 1861 г. и все ее последствия дают в руки современного законодателя весьма ценный материал, который, во всяком случае, показывает, чего не следует делать. В этом смысле великое событие 19 февраля 1861 г. далеко не отошло еще в историю. Традиция освобождения и раскрепощения, идущая от этого дня, до сих пор остается такой традицией, которую ее противникам не удалось ни оборвать, ни закончить. Праздник крестьянского освобождения остается, таким образом, по праву и по требованию жизни нашим главным гражданским праздником.